

Парадоксы Сталинграда – *Жизнь и судьба* Василия Гроссмана (1905-1964)*

Роман умершего в 1964 году русского писателя Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» нередко называют романом века, и с полным на то основанием.

В этом произведении, в центре которого находится битва под Сталинградом, с необычайной выразительностью отражается двойная катастрофа 20-го столетия, выраженная в таких понятиях как Освенцим и «Архипелаг ГУЛАГ». Почему эти катастрофы оказались возможны? Что обеспечило как национал-социализму так и сталинизму их временное торжество? Все эти вопросы обсуждаются в книге Гроссмана.

Когда Гроссман в начале шестидесятых годов завершил свой роман, в котором он беспощадно критиковал гитлеровскую и сталинскую тиранию, он надеялся, что ему удастся опубликовать книгу в Советском Союзе. Это было все-таки время XXII съезда КПСС, на котором Хрущев клеймил сталинский террор не в секретном докладе, как на XX-м съезде партии за 5 лет до этого, а открыто. Это было время, когда московский журнал «Новый мир» опубликовал повесть Александра Солженицына об одном дне из жизни заключенного ГУЛАГа («Один день Ивана Денисовича»).

Несмотря на это роман Гроссмана вызвал ужас у советских функционеров от партии и культуры. В беседе с писателем главный идеолог партии Суслов заявил, что для советской власти этот роман еще вреднее чем «Доктор Живаго» Пастернака.¹ Один из номенклатурных работников, категорически отказавший в публикации романа, сказал, что эта книга хотя и отражает определенные стороны сталинской действительности, но с публикацией надо бы подождать еще лет 250.² Манускрипт романа был конфискован КГБ. Это похоже на чудо, что книга, несмотря на все попытки власти спрятать ее на 250 лет, т.е. бесследно и навсегда, в конце концов все-таки дошла до читателя. Для автора же это произошло слишком поздно. Лишь 16 лет спустя после его смерти роман был опубликован в «Тамиздате» (в эмиграции).

Хотя роман в первую очередь рассказывает о битве под Сталинградом, описание этого военного противоборства сопровождается также и впечатляющим и

* Опубликовано ранее в: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2005. Vol. 9. P. 271-279 - расширенная редакция.

¹ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 68; Лазарев Л. Дух свободы // Гроссман Василий. Жизнь и судьба. М., 1990. С. 655 и сл.; Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman. N.Y., 1996. P. 279f., 375-360.

² Липкин. Жизнь и судьба. С. 63-65; Лазарев. Дух свободы. С. 655; Garrard, Garrard. Bones of Berdichev. P. 355.

глубоким анализом тогдашнего переломного момента истории. Потому что в Сталинграде решалась, пожалуй, судьба всего мира. Если бы вермахт выиграл эту битву, то это наверняка закрепило бы оккупационный режим национал-социалистов на европейском континенте на многие годы, и это означало бы временный конец европейской цивилизации, как мы ее знаем. Василий Гроссман пишет:

«Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестаёт существовать человек, остаются лишь внутренне преображённые человекообразные существа. Но когда побеждает человек, наделённый свободой, разумом и добротой, - фашизм погибает и смирившиеся вновь становятся людьми.» (Жизнь и судьба, книга первая, М., 2005, с. 86-87)

Парадоксальность Сталинграда состояла, однако, в том, что здесь интересы всего цивилизованного человечества защищал именно режим, построенный на не меньшей горе трупов, чем национал-социалистический режим, который, как и Третий рейх, являлся олицетворением тиранического произвола. В связи с этим можно было бы перефразировать слова Гроссмана и сказать: сталинизм и человек не могли сосуществовать вместе. Если бы победил сталинизм, человек прекратил бы свое существование.

Между тем в битве за Сталинград наряду с обеими бесчеловечными системами участвовало еще одно действующее лицо, которое, подобно сталинской диктатуре, боролось за свое выживание и которое также оказало решающее влияние на характер этой судьбоносной битвы – это был русский (российский) народ и другие народы советской империи. И никоим образом не было соответствия между ним и системой, которая его представляла для других стран. В 30-е годы сталинский деспотизм вел беспощадную войну с собственным народом, которая была направлена сначала против сельского населения, а потом – во время Большого террора – распространилась на все слои общества. При этом границы между преступниками и жертвами были условными. Также и бесчисленные палачи попадали под колеса созданной ими же самими машины террора. Таким образом, посреди мирного времени, режим объявил войну своему собственному народу, и многие грани этой истребительной кампании, ломающей общество не только физически, но и морально, точно отражены в романе Гроссмана.

Если мы учтем все это, то итог Сталинградской битвы покажется еще более поразительным. Нация, до крайности замученная и униженная в тридцатые годы, смогла, несмотря на беспрецедентное сокрушительное военное поражение в первые месяцы немецко-советской войны, во второй раз, и даже еще более основательно чем в битве под Москвой (в декабре 1941), нанести привыкшему к победам вермахту чувствительное поражение. При этом нельзя забывать, что к тому времени в распоряжении Третьего рейха и его союзников находился весь беспощадно эксплуатируемый экономический и людской потенциал почти всего европейского континента. Кроме этого, немецким войскам удалось захватить около 2 миллионов квадратных километров советской территории, на которой перед вой-

ной проживало более 80 миллионов человек (40 % населения) и производилась примерно половина советской промышленной продукции.³

Почему тогда оставшаяся не оккупированной часть Советского Союза в течение кратчайшего времени была в состоянии произвести столько же военной продукции, как Третий рейх и все его сателлиты вместе взятые?⁴ Почему Красная Армия была способна, несмотря на беспрецедентные поражения летом-осенью 1941 и летом 1942, к концу 1942 – началу 1943 выиграть, наверное, самую решающую битву этой войны? Одни только материальные, поддающиеся измерению факторы никоим образом не могли бы в достаточной мере объяснить эту победу. Еще более важную роль играл здесь, пожалуй, моральный компонент.

После нападения Германии на Советский Союз русский народ заключил своего рода перемирие с его, пожалуй, величайшим врагом — своим собственным режимом. И тут выяснилось, что он столкнулся с еще более страшным – что сначала трудно было себе представить – противником. Ибо целью Гитлера было не только значительное сокращение и порабощение подвергшейся нападению нации, но и полное разрушение ее государственности. Когда это стало ясно, ни о каком коллаборационизме с Третьим рейхом для подавляющего большинства русских уже не могло быть и речи. Коллаборационисты представляли собой в течение всей войны только периферийное явление внутри общества. По сути дела, у народа не оставалось никакого другого выбора, кроме как поддержать собственный режим. Но это, правда, не была безоговорочная поддержка. Режим должен был несколько ослабить механизмы контроля общества и признать определенную степень личной инициативы. В 1941-42 годах в России происходил процесс, названный московским историком Михаилом Гефтером во время горбачевской перестройки «стихийной десталинизацией»,⁵ и который наглядно отражается в романе Гроссмана. Многие его герои острейшим образом критикуют террор 30-х годов, плановое хозяйство и пропагандистскую ложь и мечтают о ликвидации колхозов и свободе слова. Один из них говорит:

«Вы представляете себе, что такое свобода печати? Вот вы мирным послевоенным утром открываете газету, и вместо ликующей передовой, вместо письма трудящихся великому Сталину [...], – вы находите в газете, знаете что? Информацию! Представляете себе такую газету? Газету, которая дает информацию!» (Жизнь и судьба, книга первая, с. 285)

«О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды!» (там же, с. 298), пишет Гроссман о разговорах подобного рода, которые тогда велись не только в вымышленном мире романа, но и в советской действительности.

³ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982. Т. 1-2, зд.: Т. 2. С. 109; Boog Н. и др. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/Main, 1996. P. 867f.

⁴ Ср. Кулешов С.В. и др. Наше отечество. М., 1991. Т. 1-2, зд.: т. 2. С. 415; Boog и др. Der Angriff. P. 869f.

⁵ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

Так, например, известный польский поэт Александр Ват, бывший в военное время в Советском Союзе, описывает атмосферу тех лет: «Не было ни пропагандистских призывов, ни лозунгов, ни коммунизма. [...] Все] верили, что когда те миллионы героев и мучеников вернутся с фронта, тогда уже никакой Сталин не сможет ничего сделать, тогда Россия изменится, изменится коренным образом.»⁶

«Защитить родину ... могли только свободные люди», комментирует московский литературовед Лазарь Лазарев центральную мысль романа «Жизнь и судьба».⁷

Общество, которому сталинская клика практически сломала хребет в 30-е годы, теперь, в час смертельной угрозы не только для сталинского режима, но и для русского государства как такового, отвоевало по меньшей мере крупицу своего достоинства.

«Такими мы счастливыми бывали. Такой свободой бурною дышали», писала поэтесса Ольга Берггольц зимой 1942 в блокадном и подкошенном голодом Ленинграде.⁸

У режима, столкнувшегося 22 июня 1941 с беспрецедентной опасностью, не было другого выбора, кроме как терпеть эту частичную эмансипацию своих подданных, которые теперь, как защитники своей родины, оказавшейся в опасности, обрели новое чувство собственного достоинства. Развитию этого самосознания способствовал и тот факт, что они на пороге Москвы, Ленинграда и Сталинграда защищали не только свою собственную землю, но и весь мир, над которым нависла угроза национал-социалистического варварства. В день нападения Германии на Советский Союз Уинстон Черчилль сказал: «Борьба каждого русского [...] это борьба всех свободных людей и всех свободных народов во всех уголках земного шара».⁹

В Сталинграде произошло столкновение чувства морального превосходства защитников и чувства расового превосходства нападающих, которое национал-социалистические пропагандисты и некоторые немецкие военачальники пытались привить солдатам вермахта. Так, например, генерал-фельдмаршал Рейхенау, командующий 6-й армией, которая позже под командованием Паулюса сражалась под Сталинградом, заявил в октябре 1941:

«Солдат на Восточном фронте это не только воин по всем правилам военного искусства, но и носитель непреклонной национальной идеи и мститель за все зверства, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат дол-

⁶ Wat A. *Jenseits von Wahrheit und Lüge*. Frankfurt/Main, 2000. P. 586, 591. Ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard, Garrard. *The Bones of Berdicev*. P. 159-166.

⁷ Лазарев. *Дух свободы*. С. 665; ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard, Garrard. *The Bones of Berdicev*. P. 159-166; Zarusky J. *Vasilij Grossmans Leben und Schicksal – zur Entstehung und historischen Konzeption eines Jahrhundertromans // Deutschland, Rußland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Ed. F. Anton, L. Luks. Köln, 2005. P. 245-276, зд.: p. 266-270.*

⁸ Цит. в: Лазарев. *Дух свободы*. С. 668.

⁹ Churchill W. *Der Zweite Weltkrieg*. Bern, 1951. Vol. 3, 1. P. 443f.

жен проявлять полное понимание необходимости жесткого, но справедливого возмездия еврейским недочеловекам.»¹⁰

Национал-социалисты презирали слабость и пытались искоренить любое сочувствие слабым, с их точки зрения расово несовершенным. Ликвидацию так называемой «жизни, не достойной жизни» (*lebensunwertes Leben*) они считали своей основной задачей. Как раз в то время, когда бушевала битва за Сталинград, их машина уничтожения развила беспрецедентную эффективность. Тогда была проведена так называемая «Операция Рейнхардт» - массовое умерщвление евреев газом в лагерях уничтожения Трешлинка, Собибор, Белжец, Хелмно и Аушвиц-Биркенау (Освенцим-Бжезинка). Казалось, нацистский режим в течение кратчайшего времени приблизился к своей цели «окончательного решения еврейского вопроса», сформулированной в январе 1942 года на Ванзейской конференции. Видение мира без евреев развивает в романе Гроссмана Адольф Эйхман. При этом нужно отметить, что свой роман Гроссман завершил в 1960 году, то есть за год до судебного процесса над Эйхманом в Иерусалиме, сделавшего этого «эксперта» по окончательному решению еврейского вопроса известным на весь мир.

Гроссман вкладывает в уста Эйхмана следующие слова: «Представляете, через два года мы вновь сядем в этой камере за уютный столик и скажем: "За двадцать месяцев мы решили вопрос, который человечество не решило за двадцать веков!"» (*Жизнь и судьба*, книга вторая, с. 177)

Исполнители Холокоста, хотевшие революционно перекроить миротворение по расовому принципу, упивались своей силой, они считали себя богоподобными. Польский теолог и публицист Павел Спешак пишет по этому поводу: холокост должен был положить конец не только еврейскому народу, но и христианской Европе в целом. Он был вторым грехопадением:

«Через уничтожение евреев, через уничтожение создателей иудаизма и христианства, национал-социалисты хотели освободиться от всех заповедей Божьих. Они отвергли как Ветхий так и Новый Завет. [...] Молчание Бога [...] перед лицом их преступлений они воспринимали как признак его слабости, даже его несуществования, его бессилие давало им чувство всемогущества. [...] Теперь они чувствовали себя новыми богами — свободными, независимыми, независимыми от голоса совести, независимыми от тех, кто напоминал им о моральных заповедях. Со смертью евреев был заочно казнен и Бог.»¹¹

В Сталинграде однако оказалось, что перед чувством морального превосходства чувство расового превосходства устоять не могло. И именно в аду Сталинграда, в час поражения Третьего рейха, в Германии начал происходить процесс, описанный Гроссманом следующим образом:

«Притихли спесивые и надменные; хвастуны перестали хвастать [...]. Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, оккупированных, зачарованных бесчеловечностью национального государства [...]. Кто из

¹⁰ Boog и др. *Der Angriff*. P. 1246.

¹¹ Śpiewak Paweł. *Shoah, drugi upadek* // *Więź* 1-8. 1986. P. 3-13, зд.: p. 10f., 13.

гибнущих и обреченных гибели мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 134-135)

Парадоксально сложилась, правда, не только судьба проигравших под Сталинградом, но и судьба выигравших. Ибо они своей победой способствовали не только выживанию своей нации, но и режима, угнетающего ее. О противоречивости Сталинграда Гроссман пишет:

«Решалась судьба оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии, скандинавских и балканских государств, произносился смертный приговор Освенциму, Бухенвальду и Моабитскому застенку, готовились распахнуться ворота девяносто созданных нацистами концентрационных и трудовых лагерей. Решалась судьба немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленных. Решалась судьба калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев, волей Сталина вывезенных в Сибирь и Казахстан, потерявших право помнить свою историю, учить своих детей на родном языке. Решалась судьба Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова, чья казнь должна была предшествовать зловещему процессу евреев-врачей, [...]. Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии. Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 39)

Победа над Третьим рейхом, казалось, придала сталинской тирании дополнительную легитимность. Одновременно с этим она осложнила управление нацией, столь гордой своей победой. Один из лучших знатоков сталинской системы, Абдурахман Авторханов, пишет по этому поводу: Сталин понимал, что народ, после всех принесенных им жертв, «захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. ... И вернувшиеся были грозны в своем молчании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше чем солдат Гитлера в начале войны».¹²

В новом порабощении общества, его новом превращении в простой винтик тоталитарного механизма, сталинское руководство видело теперь свою наиглавнейшую цель. И оно, казалось, достигло этой цели в кратчайшее время. Оно соединило усиление государственных механизмов контроля населения с гротескным прославлением русской национальной идеи. Это развитие наблюдалось уже в дни Сталинграда, и снова осознается противоречивость, парадоксальность этого переломного момента войны:

«Жизнь советской державы отнесла пробуждение национального сознания к тем задачам, которые стояли перед государством в его послевоенной жизни, - его борьбе за идею национального суверенитета, в утверждении советского, русского во всех областях жизни. [...] Логика развития привела к тому, что народная

¹² Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 16 и сл.

война, достигнув своего высшего пафоса во время сталинградской обороны, именно в этот, сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 60)

Но этим никоим образом не исчерпывается значение Сталинграда. Эйфория от победы, вспыхнувшая после Сталинграда, облегчила власть имущим закручивание гаек в обществе. Однако желание жить достойно, жить «как в сказке», все еще оставалось. Гроссман пишет: «Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 51)

Границы между режимом и народом были, конечно же, условными. Сталинская деспотия без частичного или полного отождествления значительных частей общества с ней была бы нежизнеспособной. Распространяемые режимом русско-центрические иллюзии многие принимали за чистую монету, то есть они искренне верили, что величайшие открытия и изобретения в новейшей истории человечества были сделаны русскими, что «Россия — родина слонов». Так критически мыслящие русские интеллектуалы пародировали шовинистическую кампанию режима.

Но несмотря на все это, сохранялась разделительная линия между режимом и народом, которому правящая клика до конца не доверяла. Она предпринимала чрезвычайные усилия, чтобы полностью его контролировать. Этот направленный вовнутрь навязчивый контроль сталинской тирании связывал значительную часть ее сил и не давал ей так безгранично расширяться внешне, как это делала национал-социалистическая диктатура.

(Авторизованный перевод с немецкого Антонины Зыковой)